

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТОЖДЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ»)

Петров А. В., Лаук Н. Г.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: NGermanovna@yandex.ru*

В статье представлены результаты анализа двусоставных предложений, состоящих из тавтологических имен существительных, которые выступают в роли подлежащего и именной части составного именного сказуемого со связкой **есть**. В синтаксической науке такие предложения получили название «предложения тождества». В качестве главных членов выделены тождественные субстантивы, входящие в тематическую группу терминов родства, находящиеся в оппозиционных отношениях: **брат есть брат, жена есть жена, муж есть муж, отец есть отец, мать есть мать, мама есть мама**. Анализу подвергается импликационал стержневого компонента в связи с варьированием лексического значения, его сложности, информационного потенциала. Комментируются контексты, которые иллюстрируют, как предельно емкая форма может иметь сложное означаемое, отражать различные экстралингвистические ситуации. На передний план выступает не указание на тождество лица, а индивидуальная характеристика отождествляемого имени. Ряд предложений с конкретными субстантивами – названиями родственных отношений обладает яркой афористичностью, на основании чего двусоставные предложения данной модели могут быть причислены к фразеологизмам в широком понимании.

Ключевые слова: предложения тождества со связкой **есть**, стержневой компонент, импликационал лексического значения, периферия лексического значения, термины родства, «Русский ассоциативный словарь».

ВВЕДЕНИЕ

Инвентаризация тавтологических единиц и их деривационных моделей, выявление лексико-семантических отношений между компонентами устойчивых сочетаний рассматриваются в работах Ю. Д. Апресяна, А. М. Бушуя, А. В. Величко, Н. Г. Гольцовой, Л. Я. Костючук, О. И. Литвинниковой, А. Г. Ломова, В. М. Мокиенко, М. Ф. Палевской, А. В. Петрова, Л. И. Ройзензона, Я. И. Рословец, Г. А. Селиванова, Н. А. Янко-Триницкой и др.

Требуется дополнительной разработки проблема вариации лексической наполняемости компонентов предложений тождества, особенности функционирования их в художественных и публицистических текстах. Т. А. Тулина разработала типологию предложений с тавтологией главных членов, описала их структурные особенности. По мнению лингвиста, такие предложения отличаются распространенностью, нарастающей продуктивностью и являются показателем одной из ведущих тенденций развития языка как средства общения – тенденции к компрессии высказывания. При этом предельно емкая форма имеет весьма сложное содержание [11, с. 241–156].

Характер схемы исследуемых предложений в «Грамматике-80» определяется как двухкомпонентный подлежащно-сказуемый. Формализованный вид

предложений тождества в одном из его вариантов может быть представлен как «X связка *есть* X».

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности лексической наполняемости компонентов, относящихся к тематической группе «Родственные отношения», в предложениях тождества со связкой *есть*. Обращение к этому лексическому множеству обусловлено тем, что термины родства относятся к древним лексическим единицам, входят в словарный фонд русского языка. Данная модель весьма продуктивна в русском языке, одинаковые структуры в зависимости от речевой ситуации способны выражать различное значение. Источником для создания картотеки языковых фактов является «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ).

Гипотеза исследования состоит в том, что в предложениях тождества актуализируются различные периферийные семы лексического значения стержневого компонента – его импликационал, который отчасти представлен в «Русском ассоциативном словаре», являющемся новым лингвистическим источником дескриптивного типа, ассоциативным тезаурусом современного русского языка. В предложениях тождества могут стать ядерными различные ассоциативные признаки – как те, которые учитываются в этом лексикографическом издании, так и другие семантические компоненты, не зафиксированные в нем. Лексическими переменными в таких предложениях выступают имена собственные и нарицательные, относящиеся как к конкретным, так и отвлеченным существительным. Так, по наблюдению Т. А. Тулиной, менее частотными являются предложения с тавтологическими субстантивами конкретного значения [11].

При проведении компонентного анализа лексем и установлении типов сем опираемся на классические работы Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, М. В. Никитина, И. А. Стернина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Инвариантным значением для предложений исследуемой модели является значение ‘привычность, обыденность’, известное носителям языка, не требующее пояснения. Толкование объекта речи однозначно и для говорящего, и для слушателя. Наблюдается исчерпанность информации, заключенной во фразе. На эту особенность предложений тождества обратила внимание Т. А. Тулина, отмечавшая, что «конструкции с нарицательными существительными обладают общеязыковой афористичностью (ср. многократно повторяющиеся и не требующие комментариев изречения *Дети есть дети, Мать есть мать, Студент есть студент* и мн. др.)» [11, с. 245]. Приведем для примера следующий контекст:

Раб есть раб, господин есть господин – так уж самой природой установлено: уши человека не растут выше головы, и негоже рабу быть выше господина (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев, 1939–1945).

Лексемы «раб» и «господин» не имеют семантического расширения в контексте. Лексическая оппозиция ключевых слов, синтагма *так уж самой природой установлено* подтверждает сформулированное положение об исчерпанности передаваемой информации предложений с тавтологией главных членов.

В отличие от подобных примеров семантика предложений тождества с компонентом, относящимся к тематической группе «Родственные отношения», глубже. Благодаря фразеологизации конструкции в контексте появляется возможность выдвигать на передний план различную информацию, которая отражает периферию лексического значения, связанную как с индивидуальным восприятием, так и с коллективной, культурной обусловленностью.

Выборка из «Национального корпуса русского языка» включает предложения-тождества со следующими субстантивами (в скобках указано количество контекстов в «НКРЯ»): *отец (7), мама (3), мать (22), мачеха (1), сын (3), дочь (1), брат (3), муж (2), жена (15), бабушка (1), бабушка (1), свекровь (1), теща (1), семья (2)*. Отметим, что в предложениях тождества не зафиксированы диминутивы: *маменька, матушка, муженек, сестричка, братик* и т.п., не найдены предложения с тавтологией главных членов, представленных лексемами «сестра», «внучка», «дедушка», «свекр», «тесть», «невестка», «зять».

Исследуя проблемы терминов родства – этимологию данной лексической группы, влияние на нее социально-исторических процессов в жизни славянства, хронологическое развитие семантики, – О. Н. Трубачев пишет: «При известной исторической разнородности славянской терминологии родства, следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда – по сложности многих моментов истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде» [15, с. 6]. Добавим, что явные и скрытые смыслы, вкладываемые при номинации, во многом зависят от социальной организации конкретного общества: отношения к кровным родственникам – старшему и младшему поколению, к родственникам по браку, от крепости связей.

Рассмотрим предложения с тавтологическим компонентом «брат».

Брат есть брат

В «Словаре русского языка» лексема «брат» толкуется следующим образом: «брат» – ‘каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей’ [3, с. 104]. В словаре Ю. Н. Караулова наиболее частотными ассоциативными реакциями на лексему «брат» являются: сестра, родной, мой, старший, друг, младший, сват, любимый, по крови, двоюродный [6, с. 29]. Отсутствие отрицательной оценочности среди реакций на лексему «брат» (а также последующие) можно связать с экспериментальными установками при создании ассоциативного словаря. В контекстах часто наблюдаем негативную оценку.

Он был человек жесткий, даже беспощадный, но брат есть брат, я его очень любил, он был личностью незаурядной, я им гордился, он многое мне дал в юности (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977).

Как видно, сема ‘любимый’, актуализируемая в контексте, вариативна. Любовь к брату, гордость за него, несмотря на качества *беспощадный, жесткий*, указывают на доминирование родственных отношений над общечеловеческими. Противоречие подтверждается противительным союзом *но*. Чувства возникли не только благодаря родству, они связаны также с заботой, которую проявлял брат по отношению к говорящему: *он многое мне дал в юности*.

Саида ему носит с базара урюк... детям не дает, внучкам не дает, ему дает: брат есть брат, он из тюрьмы пришел, из России, как не помочь?.. (Андрей Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999)

Распространители в данном контексте актуализируют семантические признаки, не зафиксированные в словарях: *носит ему урюк, как не помочь* – ‘тот, о котором нужно заботиться’; *из тюрьмы пришел, из России* – ‘натерпевшийся’. То есть о брате говорится как об объекте, к которому испытывают сочувствие, которого нужно поддержать, если потребуется. Причем его статус в восточной семье, очевидно, выше, чем статус детей и внуков.

Крушит всех подряд, но говорит, что даже за большие деньги не выйдет биться против Федора. Брат есть брат. Младший, Иван, занимается самбо для себя, живет в Санкт-Петербурге, учится в институте Лесгафта (П. Лысенков. Чемпион мира по боям без правил... // «Советский спорт», 2008).

Предложение-тождество представляет самостоятельную нераспространенную и неосложненную синтаксическую единицу. Такое обособление говорит о подчеркнутой важности содержания, отсутствии смысловой подчиненности. Дистрибутив *не выйдет биться против* актуализирует в контексте вариантный признак ‘не соперник’. Отношение к брату отличается от отношений к другим мужчинам: принцип мужской конкуренции не распространяется на родного человека.

Таким образом, в контексте проявляются те темные признаки, которые не отмечены в словарях. Смысловое расширение обусловлено контекстуальными актуализаторами и самой тавтологической конструкцией.

Рассмотрим линейные оппозиции в рамках группы «Родственные отношения»: жена / муж, мать / отец. Анализ парадигматических отношений, характерных для тех или иных лексических единиц, позволяет выявить компоненты их значения, целостно определить их содержание.

Жена есть жена

Проследим трансформацию привычного общекультурного значения лексемы «жена». В «Словаре русского языка» «жена» – ‘замужняя женщина’ (по отношению к своему мужу) [3, с. 195]. Дается представление лишь о социальном положении женщины.

Отметим ассоциативные реакции на лексему «жена» в Словаре Ю. Н. Караулова: муж, любимая, семья, супруга, женщина, мама, верная, мать, домохозяйка, хорошая, добрая, любовь [6, с. 37].

А н д р е й. Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, такого шаршавого животного. Во всяком случае, она не человек. Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее, или, по крайней мере, любил (А. П. Чехов. Три сестры, 1901).

Герой А. П. Чехова любит жену за то, что она *честная, порядочная, добрая*. Таков был идеал супруги среди аристократического сословия XIX – начала XX в. И в то же время он сомневается в полноте своего чувства. Персонаж добавляет противопоставление: *но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого,*

слепого, этакого шаршавого животного; она не человек; кажется удивительно пошлой.

Персонаж называет жену *пошлой*, то есть низкопробной в духовном, нравственном отношении, чуждой высоких интересов. Можно предположить, что женщина ставится ниже мужчины, на уровень с животными. Она обладает признаками животного, причем отталкивающего: *мелкого, слепого, шаршавого*. Данная в контексте характеристика, возможно, свидетельствует о том, что говорящий считает женщин неспособными на возвышенные чувства и мысли. Они слишком для него приземленные. Таким образом, актуализируемые в контексте семьи 'неприятная', 'пошлая' вариантивны, индивидуальны, находятся на периферии лексического значения.

Вдруг мы получаем записочку, в которой говорится, что весь этот монолог надо вычеркнуть и заменить его всего лишь тремя словами: – Жена есть жена! В этой короткой фразе, если вдуматься в нее глубже, заключается все, что было сказано в длинном, в две страницы, монологе (К. С. Станиславский. А. П. Чехов в художественном театре (Воспоминания), 1914–1938. – НКРЯ).

Из приведенного отрывка Станиславского становится ясно, что режиссер считает возможным все смыслы монолога Андрея (персонажа пьесы «Три сестры» А. П. Чехова) о неинтересной и скучной жизни, о прошедшей любви к жене – вместить во фразу *жена есть жена*. В результате импликационал лексического значения слова «жена» является необычайно богатым: он вбирает личностные ассоциации каждого зрителя, основанные на жизненном опыте, на знании оригинала пьесы. Следующий контекст может служить подтверждением вышесказанного:

Как говорил Чехов, жена есть жена – она всегда виновата в чем-нибудь глобальном (Е. В. Колина. Дневник измены, 2011).

Культурные и социальные преобразования эпохи привели к тому, что идеализированное отношение XIX века к женщине, жене сменилось общепринятым негативным.

Жена есть жена, и все-таки неприятно, когда жена, какова бы она ни была, бросается в пролет лестницы и разбивается насмерть (В. А. Каверин. Открытая книга, 1949–1956)

Дистрибуция *какова бы она ни была; неприятно, когда <...> разбивается* (просто неприятно) свидетельствует о том, что говорящий (муж) не испытывает по отношению к жене любви. Ее гибель приносит лишь какую-то досаду. Но все же слова *какова бы она ни была* подтверждают, что жена – человек небезразличный, отношение к нему не такое, как к чужим. Складывается ощущение, что жена для мужчины – это неприятная, но обязательная часть его семьи, однозначно имеющая с ним некую связь. Появление периферийных семантических признаков, то есть расширение импликационала слова, происходит за счет дистрибуции. Можно выделить вариантное значение 'плохая'.

Муж есть муж

В «Национальном корпусе русского языка» содержится всего два контекста с предложением-тождеством «муж есть муж». В «Толковом словаре русского языка» дано следующее значение: «муж» – 'женатый мужчина (по отношению к своей жене)'

[3, с. 281]. Наиболее частотные ассоциативные реакции на это слово: жена, верный, любимый, хороший, любящий, мужчина, мой, чужой, обьелся груш [6, с. 123].

Проследим, как трансформируется словарное значение в контекстах.

На первой работе тоже не по специальности работала. Надо семью кормить. Муж есть муж. Семья есть семья. Дети есть дети. Да и какая именно была специальность?.. Для женщины это не главное (Марина Палей. Дань саламандре, 2008).

Автор обращает внимание на то, что для женщины не важна карьера, работа по специальности. Она в первую очередь заботится о семье – *надо семью кормить*. По принципу синтаксического параллелизма выстроен ряд идентичных конструкций – предложений-тождеств, содержащих в качестве стержневого компонента субстантивы группы «Родственные отношения»: муж, семья, дети. При этом предложение с лексемой «муж» расположено на первом месте. Это свидетельствует о значимости супруга в жизни женщины, его главенствующее положение в ее заботах. В контексте имплицирован индивидуальный смысл, не зафиксированный в словарях. Выделим сему ‘важный’.

Муж, узнав о том, что я собираюсь его покинуть, очень, просто очень расстроился. Вот уж чего я не ожидала. <...> Потом уж и вовсе невозможное совершил: купил билеты на поезд, собрал чемодан и сказал:

– Хочу тебя, змею, на юг вывезти. Может, выветрится из тебя твоя любовь.

Что ж, муж есть муж – повез меня, как чемодан, в Адлер (Лидия Иванова. Искренне ваша грешница, 2000).

Женщина, влюбленная в другого мужчину, покорно соглашается на попытки мужа ее вернуть. Она разрешает ему обращаться с собой, как с чемоданом (*повез меня, как чемодан*). Возможно, она испытывает перед ним вину и поэтому покоряется.

На периферии семантического поля можно определить вариантную сему ‘тот, кому должна быть верна и покорна жена’.

Ограниченное количество контекстов с тавтологическим сочетанием «муж есть муж» связываем с глубоким индивидуальным пониманием лексемы «муж». Понятийное содержание нельзя считать общекультурным, поэтому понимание ремы высказывания затруднено.

Отец есть отец

В «Толковом словаре русского языка» лексема «отец» определяется следующим образом: ‘мужчина по отношению к своим детям’ [3, с. 317]. Из наиболее частых ассоциативных реакций на лексему выделим следующие: мать, родной, семейство, мой, сын, добрый, папа, дом, хороший, отец и сын, строгий, мужчина, старый, любимый [6, с. 156].

– Ты же скотина, Ориф. Животное. Ты у брата отнимешь, если надо будет! У отца!

– Ц-ц-ц-ц-ц! – Усмехаясь, Ориф покачал головой. – И зачем ругаться! Что говоришь! Как можно – у отца! Что ты! Отец есть отец! Не говори так! Стыдно тебе так говорить!.. (Андрей Волос. Дом у реки // «Новый мир», 1998).

Почитание отца с матерью в азиатской культуре особое, старшие родственники идеализированы. Необходимость уважать их возраст, а значит, мудрость закреплена в заповедях.

Дистрибутивы *Что говоришь! Как можно – у отца! Что ты! Не говори так! Стыдно тебе так говорить!* подтверждают общекультурное для Востока особое отношение к отцу. В структуре лексического значения выделим актуализируемую вариантную сему 'уважаемый'. Относим ее к периферии лексического значения для славянского узуса.

Похожий смысл отражен в следующем контексте:

– *Вы же знаете, не в ладах мы с папашей...*

– *А ты, парень, не кочевряжься, – строго заметил Лоцилин. – Отец есть отец, и надо его понять... Нечего тебе молодым петушком наскакивать на него. Вот сегодня же и навести родителей* (А. И. Мусатов. Земля молодая, 1960).

Старший мужчина поучает молодого, внушает ему, что отца необходимо уважать, несмотря на возможные разногласия: *надо его понять; нечего тебе <...> наскакивать на него; навести родителей*. Говорящий обращает внимание слушателя на определенные признаки, побуждает понимать ситуацию именно так, как понимает он.

В следующем контексте лексема «отец» расширяет значение в связи с тем, что рассматривается с позиции главенства по отношению к дедушке и бабушке.

Конечно, мальчик живет у дедушки и бабушки, кто ж его отдаст, но отец есть отец (Галина Щербакова. Армия любовников, 1997).

Подчеркивается важность отца для ребенка (использован противительный союз *но*), наличие прав на него; актуализируется сема 'значимый'.

Рассмотрим иную трансформацию значения лексемы «отец» в таком контексте:

Ведь отец человек уже немолодой и не такой уж здоровый, и характер у него...

В общем, отец есть отец, и если Васенька уедет, то... ты сама понимаешь... (Александр Вампилов. Старший сын, 1965).

Коммуникативная функция рефлексии выражается с помощью языковых средств: *ведь, в общем, если ... то*, повтор союза *и* при определениях. Имплицитный смысл определяется не только дистрибуцией, но и макроконтекстом. Определим контекстуальные семы – 'тот, о ком необходимо заботиться'.

В результате контекстуального анализа выделены ключевые параметры, характеризующие образ отца. Учитывая их, вычленим периферийные семы: 'уважаемый', 'значимый', 'тот, о ком необходимо заботиться'. Данные признаки не всегда обусловлены собственно качествами отца, они выводятся на первый план тавтологическим повтором и дистрибуцией.

Мать есть мать

Для понимания, что составляет ядро лексического значения слова «мать», обратимся к «Толковому словарю русского языка». Значение 'женщина по отношению к рожденным ею детям' дает представление только о родственных отношениях, о происхождении одного человека от другого [8, с. 240].

Из наиболее частотных реакций на стимул «мать» выделим следующие: отец, родная, моя, любимая, добрая, героиня, женщина, Родина, твою, мама [6, с. 159].

Фигурируя в качестве повторяющегося компонента в предложениях тождества, лексема «мать» имеет значительно расширенную семантическую структуру. Периферийные семы также актуализированы с помощью дистрибутивов. Проследим варьирование лексического значения лексемы в контекстах.

Жена, в отличие от него, не забывала об этом ни на миг. Что тут взять – мать есть мать. Все на инстинктах... Юлька держала сына на руке, другой расстегивая пуговицы пальто. <...> материнские инстинкты сильны <...> Юлька бережно, но настойчиво удерживала разбушевавшегося малыша (Сергей Лукьяненко. Новогодний Дозор, 2014).

Мужчина, описывая качества своей жены, ставит на первое место инстинктивную заботу о ребенке (*материнские инстинкты сильны*). Он противопоставляет эту особенность женщины своему невниманию (*жена, в отличие от него, не забывала*). Развитие периферии значения происходит за счет вариантных сем ‘с инстинктивным поведением’.

Он и выехал, потому что мать есть мать, это святое (Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001).

Автор вводит пояснение к предложению тождества – *это святое*, актуализируется сема ‘святая’, которую трудно квалифицировать как индивидуальную, поскольку общая положительная оценка среди ассоциативных реакций совпадает.

Мать есть мать, она на что угодно решится, чтобы спасти сына (Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды, 1999).

На что угодно решится ради детей – такова характеристика большинства женщин, она общепринята и понятна. Сема ‘самоотверженная’ синонимична семе, заключенной в ассоциативной реакции героиня. Импликационал лексического значения не расширяется.

Осторожнее бежать по лестнице, осторожнее переходить улицу, осторожнее садиться в троллейбус, осторожнее выступать на семинарах... Мама есть мама (Георгий Полонский. Дайте мне человека...», 1961).

За счет лексического повтора *осторожнее* в данном контексте реализуются вариантные семы ‘заботящаяся’ и ‘переживающая’. Автор перечисляет самые привычные и безопасные действия (*садиться в автобус, выступать на семинарах*), чтобы подчеркнуть: *мама* испытывает тревогу за детей, даже когда угрозы, казалось бы, нет.

ВЫВОДЫ

Предложения тождества со связкой *есть* рассмотрены как языковое явление, реализующее различные авторские задачи, как средство передачи не только общекультурных смыслов, но и индивидуальных.

Исследование семантики тавтологических конструкций с конкретными существительными – названиями лиц с точки зрения родственных отношений показало, что они обладают многослойной семантической структурой, проявляющейся во взаимосвязи образующих ее элементов, в актуализации за счет дистрибуции вариативных сем, языковой мотивировки выбора стержневого

компонента. Выделено инвариантное значение предложений исследуемой модели – ‘привычность, обыденность’.

Благодаря способности эксплицитировать в контексте скрытые семы импликационала во фразеологизированных тавтологических предложениях со связкой *есть* трансформируется структура лексического значения переменных, актуализируются новые семы, что отражает одну из форм познания окружающего мира. Для предложений тождества с лексической единицей «брат» выделены следующие актуализированные семы – ‘любимый’, ‘тот, о котором нужно заботиться’, ‘натерпевшийся’, ‘не соперник’;

с лексической единицей «жена» – ‘неприятная’, ‘пошлая’, ‘плохая’;

с лексической единицей «муж» – ‘важный’, ‘тот, кому должна быть верна и покорна жена’; с лексической единицей «отец» – ‘уважаемый’, ‘значимый’, ‘тот, о ком необходимо заботиться’;

с лексической единицей «мать» – ‘с инстинктивным поведением’, ‘святая’, ‘самоотверженная’;

с лексической единицей «мама» – ‘заботящаяся’, ‘переживающая’.

Проведенный семантический анализ лексем тематической группы «Родственные отношения», а также разработанная модель описания предложений-тождеств со связкой *есть* могут быть использованы для изучения тавтологических сочетаний, фразеологизированных единиц русского языка, при дальнейших исследованиях в русле когнитивной лингвистики, а также для расширения «Русского ассоциативного словаря».

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки славянских культур», 2009. – Т. 1: Парадигматика. – 568 с.
2. Величко, А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: монография. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 411 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 1. – 1084 с.
4. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 165 с.
5. Петров, А. В. Префиксальные повторы страдательных причастий в русском языке / А. В. Петров // Мова. – Одесса: Астропринт, 2014. – Вып. 21. – С. 201–205.
6. Русский ассоциативный словарь : в 2-х т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – Т. 1: От стимула к реакции : Около 7000 стимулов. – М.: АСТ : Астрель, 2002. – 781 с.
7. Русская грамматика : в 2-х т. / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 709 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. – 750 с.
9. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 170 с.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

11. Тулина, Т. А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке / А. Т. Тулина // Исследования по современному русскому языку ; отв. ред. Т. П. Ломтев и А. А. Камынина. – М. : МГУ, 1970. – С. 241–156.
12. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : URSS, 2006. – 237 с.

References

1. Apresjan, Ju. D. *Issledovanija po semantike i leksikografii* : v 2 vol. M. : Shkola «Jazyki slavjanskih kul'tur», 2009. vol. 1: Paradigmatika. 568 p.
2. Velichko, A.V. *Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury v rusском jazyke : strukturno-semanticheskoe i funkcional'no-kommunikativnoe issledovanie* : monografija M. : MAKS Press, 2016. 411 p.
3. Efremova, T. F. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* : v 2 vol. M. : Rus. jaz., 2000. vol. 1. 1084 p.
4. Nikitin, M. V. *Osnovy lingvisticheskoy teorii znachenija*. M. : Vyssh. shk., 1988. 165 p.
5. Petrov, A. V. *Prefiksalye povtory stradatel'nyh prichastij v rusском jazyke*. Odessa : Astroprint, 2014. no. 21, pp. 201–205.
6. *Russkij asociativnyj slovar'* : v 2 vol., Ju. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimceva [i dr.]; Ros. akad. nauk. vol. 1: Ot stimula k reakcii : Okolo 7000 stimulov. – M. : AST : Astrel', 2002. 781 p.
7. *Russkaja grammatika* : v 2 vol. E. A. Bryzgunova, K. V. Gabuchan, V. A. Cikovich [i dr.]; vol. 2: Sintaksis. M. : Nauka, 1980. 709 p.
8. *Slovar' russkogo jazyka* : v 4 vol. RAN, In-t lingvistich. issledovanij ; pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M. : Rus. jaz. : Poligrafresursy, 1999. vol. 2. 750 p.
9. Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi*. Voronezh, 1985. 170 p.
10. Telija V. N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. M. : Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1996. 288 p.
11. Tulina, T. A. *Tipy predlozhenij s tautologiej glavnyh chlenov v rusском jazyke. Issledovanija po sovremennomu rusскому jazyku* ; отв. ред. Т. П. Ломтев и А. А. Камынина. М. : МГУ, 1970. pp. 241–156.
12. Trubachev O. N. *Istorija slavjanskih terminov rodstva i nekotoryh drevnejshih terminov obshhestvennogo stroja*. M. : URSS, 2006. 237 p.

SEMANTICS OF IDENTITY SENTENCES (ON THE MATERIAL OF THE THEMATIC GROUP «CONGENEROUS RELATIONS»)

Petrov A. V., Lauk N. G.

The article presents the results of the analysis of two-part sentences consisting of tautological nouns that act as the subject and the nominal part of the compound nominal predicate with the link to be. In syntactic science such sentences are called «identity sentences». As the main members, the identical substantives are singled out that are included in the thematic group of kinship terms and refer to oppositional relations: brother is brother, wife is wife, husband is husband, father is father, mother is mother, mom is mom. The implicational of the core component is analyzed in connection with the variation of the lexical meaning, its complexity, and information potential. Commented contexts are given that illustrate how an extremely capacious form can have a complex meaning, reflect various extralinguistic situations. It is not an indication of the identity of a person that comes to the fore, but an individual characteristic of the identified name. Some sentences with specific substantives with the names of kinship relations have a bright aphorism, on the basis of which the two-part sentences of this model can be classified as phraseological units in the widest sense.

Keywords: identity sentences with the link to be, core component, implicative of lexical meaning, periphery of the lexical meaning, kinship terms, «Russian Associative Dictionary»